

Сергей Жук

Между Москвой и Западом: американистика в Советском Союзе во время позднего социализма, 1956-1991 гг.*

Основатель первого советского центра американских исследований (американистики) в Украине, Арнольд М. Шлепаков, как-то заметил в апреле 1990 г.: «Исучая Соединенные Штаты Америки, используя разные аналитические модели и нарративные стратегии в своих докладах и публикациях, советские американисты не только открывали для себя, и по-своему конструировали образы современной Америки. Они при этом по-своему открывали для себя и формировали свою собственную, советскую интеллигентность, своё советское интеллектуальное Я. Исходя из этого, сообщество советских учёных-американистов можно плодотворно использовать как особую минипризму для исследования истории советской интеллигенции»¹. Через 10 лет после распада Советского Союза, в мае 2001 г. в разговоре со мной ещё один основатель советской американистики, Николай Н. Болховитинов, описывал подобные связи между развитием исследований истории США и формированием советских интеллектуальных элит: «Согласно сталинским планам Москва превратилась в образцовый город, своеобразную модель развитого социализма, демонстрируя всему миру достижения и преимущества советской социалистической системы. Всё лучшее социализма, включая культуру и науку, было сосредоточено в Москве. Это сказалось и на развитии советской американистики. Первые центры американских исследований с их ресурсами и академическими привилегиями находились в Москве, а не в советской провинции.» И он продолжал: «Зачастую мы, здесь в Москве, попросту не понимали мировосприятия интеллигенции из советской провинции. Возьмём к примеру, наших советских американистов. Многие из них, включая моих лучших учеников, вышли из советской глубинки. В то же время я замечал определённые трения и конфликты между провинциалами и москвичами. В какой-то мере отношения провинциальных учёных к Москве как академическому центру всей советской науки могут служить определённым индикатором развития всей системы советской академической науки как правительственного контроля над знанием в СССР. Чтобы понять, что происходило с провинциальной советской элитой в период позднего социализма и как эта элита повлияла на распад Советского Союза, нам нужно изучать отношения между москвичами и провинциалами. Эти отношения, включая академические связи, могут служить своеобразной

* Посвящается памяти академика Николая Николаевича Болховитинова (1930–2008).

¹ Интервью автора с Арнольдом М. Шлепаковым, Киев, 4 апреля 1991 г.

моделью для серьёзного исследования трансформации нашей советской интеллигенции в новую интеллектуальную элиту пост-советского пространства»².

Следуя пожеланиям Шлепакова и Болховитинова, используя в качестве исторических источников различные советские, преимущественно российские и украинские, исследования истории, политики и культуры США, архивные документы, личную переписку и более, чем 100 интервью, данная статья, которая является частью большого научного проекта, рассмотрит как советские (российские и украинские) американисты использовали различные идеи североамериканской цивилизации для конструирования своего собственного образа советской и пост-советской «современности/модерности» в период позднего социализма после Сталина. Сочетая подходы устной истории, символической антропологии и исторической социологии, данный проект исследует (1) как понятия и представления о «воображаемой Америке» и советские «практики исторического письма» видоизменялись в зависимости от идеологической ортодоксии и централизованной инфраструктуры американистики в СССР и пост-советских государствах, и (2) как эти культурные и интеллектуальные практики способствовали созданию интеллектуальной оппозиции советской периферии (Украины) советскому центру (Москве) во время перестройки.

Согласно Мишелю де Серто, в современных социальных системах производства знаний, таких как сообщества советских американистов, «знание и символы, навязываемые извне, становятся объектами, манипулируемыми людьми их использующими, которые их не производят.» В интерпретации Мишеля де Серто зачастую эти люди (называемые им «практикующие производство знаний») в повседневной жизни искажают и трансформируют культурные практики и символику, навязываемые им извне по-иному – не отрицая их совсем и не изменяя их совершенно (хотя и это иногда случается). Практикующие производство знаний «как бы переводили в плоскость метафор основные элементы доминирующего интеллектуального порядка: они заставляли функционировать этот порядок в другом регистре. Это позволяло им оставаться иными в пределах господствующей системы, которую они ассимилировали, но которая в свою очередь их также ассимилировала, но только внешне. В результате, они отклонялись от норм этой системы, всё время оставаясь в ней»³.

Эти идеи в сочетании со старой концепцией Михаила Бахтина об «авторитетном слове» (или «авторитарном дискурсе», согласно современной антропологии), повлияли на современные исследования о теориях и практиках зрелого социализма, о дискурсивных практиках и формировании идентичности в пост-сталинском советском обществе, особенно работы Славы Геровича, Алексея Юрчака, Стивена Ловелла и Джулианы Фюрст⁴. Согласно этим исследователям,

² Интервью автора с Николаем Н. Болховитиновым, Москва, 21 мая 2001 г.

³ de Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1989. P. 31.

⁴ Сравните с особо популярным в США изданием Бахтина – Bakhtin M. *The Dialogical Imagination: Four Essays by Mikhail Bakhtin* / Ed. Michael Holquist. Austin, 1994. P. 342-343 – работы со-

«по мнению Бахтина, авторитарный дискурс складывается вокруг строгих внешних идей или догм ... и занимает особое положение в дискурсивном режиме периода,» в то время как «все другие типы дискурса группируются вокруг него»⁵. Используя подобные теоретические подходы, особенно концепцию взаимодействия между авторитарным и профессиональными дискурсами, данная статья рассматривает как институциализация советской американистики оказалась связана с формированием идентичностей и различными дискурсивными практиками советских интеллектуалов, которые стали экспертами по истории и политике США и Канады в России и Украине в период «зрелого социализма».

Институциализация американистики в советских России и Украине

Как известно, противостояние холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом привело к интенсивной идеологической конфронтации, вовлекшей тысячи историков и обществоведов, которые работали в специальных страноведческих центрах – советологии в США и американистики в СССР. Общей чертой всех этих усилий была попытка сочетать технику и открытия новых исторических исследований и социальных наук (в демографии и культурном развитии, анализе общественного мнения, манипуляции средствами массовой информации и т.п.) с различными способами «политической инженерии» (в государственном руководстве и контроле, создании и распространении различного оружия и т.п.), чтобы уметь управлять, нейтрализовать и избегать конфликтные ситуации между супердержавами⁶. В то же время различные страноведческие программы периода холодной войны готовили «группы высококвалифицированных специалистов с широкой эрудицией и особым знанием языков, культуры, истории, политических, юридических и экономических систем противоборствующих

временных авторов. Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge, Mass., 2004; Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ, 2005; Lovell S. *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*. N.Y., 2000; Fürst J. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. N.Y., 2010. Тезис о роли авторитарного дискурса и акцент на а-историчные дискурсивные практики, который очевиден в исследовании антрополога Юрчака, стал объектом серьезной критики со стороны историков. Смотрите, к примеру, Шила Фицпетрик (Sheila Fitzpatrick) в *London Review of Books* (2006. Vol. 28. № 10. P. 18-20), Андрей Козовой в *Cahiers du monde russe* (2007. Vol. 48. № 4. Octobre décembre. P. 767-769) и Кевин Плэтт и Бенджамин Натенс в *Новое литературное обозрение* (2010. № 101. P. 167-184), и по-английски их статья: Platt K., Nathans B. *Socialist in Form, Indererminate in Content: The Ins and Outs of Late Soviet Culture* // *Ab Imperio*. 2011. № 2. P. 301-323.

⁵ Yurchak. *Everything Was Forever*. P. 14.

⁶ Simpson C. *Introduction* // *Universities and Empire: Money and Politics in the Social Sciences during the Cold War* / Ed. Christopher Simpson. N.Y., 1998. P. xvi. Сравните также анализ советологических центров в США в книге: Engerman D. C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. N.Y., 2009.

щих государств, способных не только быть полезными посредниками для полноценного и разнообразного обмена между супердержавами, их взаимопонимания, но и способствовать формированию современного национального самосознания»⁷.

Но в отличие от американской стороны в истории холодной войны, где американское правительство и различные корпорации начали финансировать основанные в колледжах и университетах центры советских исследований ещё в 1940-е гг., советские центры американистики были организованы значительно позже и только в столичных городах, Москве и Киеве, и только в располагавшихся там исследовательских институтах Академии наук СССР. С самого начала в Соединенных Штатах различные центры русских и советских исследований были сосредоточены по всей стране без какого-либо центрального руководства и были связаны только с высшими учебными заведениями страны. Все эти американские центры были профессионально организованы, хорошо фондированы, и все они были достаточно интегрированы в систему так называемого академического национального комплекса государственной безопасности в США, особенно в течение конца 1940-х и в 1950-е годы⁸. Парадокс советской ситуации заключается в том, что первые профессиональные советские центры американских исследований появились только после смерти Сталина в период разрядки международной напряженности и улучшения советско-американских отношений. Начало настоящей институционализации советской американистики происходило согласно директивным указаниям советского государства и КГБ в специальных исследовательских институтах советской Академии наук только в 1960-е и 1970-е годы. Но реальный пик популярности и широкое распространение американистики как области научного исследования в СССР начались только после 1975 года, с одной стороны, как результат институционализации разрядки международной напряженности, а с другой стороны, как результат индивидуальных усилий местных университетских преподавателей-энтузиастов, которые и создавали свои собственные школы исследований американской истории, политики, литературы и кино в крупных университетах больших индустриальных городов Советского Союза⁹.

Только в 1953 году советское руководство разрешило создание первого специального научного центра для «исследований американских стран» в Институте истории советской Академии наук в Москве. С самого начала своего существования этот центр объединил специалистов по истории Латинской Америки и США. После официального преобразования Института истории в 1968 г. и раздела его на два совершенно разных института – всеобщей истории и истории СССР – центр для «исследований американских стран» тоже разделился. Все

⁷ Shamir M. *Foreigners Within and Innocents Abroad: Discourse of the Self in the Internationalization of American Studies* // *Journal of American Studies*. 2003. December. Vol. 37. № 3. P. 377.

⁸ Подробнее смотрите об этом в Engerman. *Know Your Enemy, и Universities and Empire*. P. xx.

⁹ Интервью Андрея Козового с Георгием А. Арбатовым, Москва, 10 июня 2003 г.

специалисты по латино-американской истории покинули этот центр. И с 1968-го года центр был преобразован в новый «сектор США и Канады» Института всеобщей истории под руководством Григория Севостьянова, в прошлом кадрового советского разведчика и офицера КГБ¹⁰. Второй советский центр для американских исследований был создан в мае 1967 года как специальный Институт США в советской Академии наук, а в 1975-м году он был переименован в Институт США и Канады (далее – ИСКАН). Директором и основателем этого центра стал Георгий А. Арбатов, связанный как с партийной номенклатурой ЦК КПСС, так и руководством КГБ в лице Юрия Андропова, возглавившего советские органы госбезопасности с 1967 г.¹¹

Согласно решению советского правительства в 1974 году, исторический факультет Московского университета стал местом для учреждения американской программы Фулбрайта в СССР. В ноябре 1978 года, под руководством историка Николая Сивачева новый советский центр американистики был создан на том же факультете – так называемая лаборатория истории США при кафедре новой и новейшей истории. В 1983 году после трагической смерти Сивачева, КГБ одобрило имя его преемника, которым стал историк Евгений Язьков¹². В Киеве под руководством историка Арнольда Шлепакова, отдел новой и новейшей истории Института истории Академии наук Украины был преобразован в новый советский центр для американских исследований в течение 1969-1978 годов. В 1978 году этот центр перерос рамки небольшого институтского отдела и стал новым исследовательским институтом Академии наук Украины – Институтом социальных и экономических проблем зарубежных государств. Преобладающее большинство учёных, связанных с этим институтом, как и их московские коллеги, изучали различные проблемы политики США и Канады¹³.

В ноябре-декабре 1971 года на всесоюзном симпозиуме советских американистов, специалистов по истории США, в Москве, 10 из 130 историков-американистов представляли Украину. К 1980 году центр американистики Шле-

¹⁰ Доклад академика Н.Н. Болховитинова // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 185; Юбилей И. А. Белявской // Американский ежегодник (далее – АЕ). 1995. М., 1996. С. 13, 15.

¹¹ Смотрите различные издания мемуаров первого директора института: Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985) Свидетельство современника. М., 1991. С. 381-399; Он же. Человек системы: Наблюдения и размышления очевидца её распада. М, 2002. С. 132-147, и перевод на английский его главы «Институт: Как мы "открывали Америку"» в его книге *The System: An Insider's Life in Soviet Politics* (N.Y., 1992. С. 295-328).

¹² Поршакова А.А. Лаборатория истории США в МГУ / АЕ. 1989. С. 256-265. Смотрите также Рогулёв Ю.Н. Двенадцать лет взаимовыгодного сотрудничества (о профессиональных связях историков-американистов МГУ с американскими коллегами // АЕ. 1986. С. 246-250; Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: Эволюция основных идейно-политических концепций / Под ред. А. С. Манькина. М., 2004. Особенно с. 5-16.

¹³ Лещенко Л., Чеников И. Всесвітньо відомий вітчизняний учений: Історик-міжнародник, організатор науки і дипломат. До 80-ліття від дня народження академіка НАН України Арнольда Миколаіовича Шлепакова (1930-1996 рр.) // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Випуск 19: Міжвідомчій збірник наукових праць / Відп. ред. С. В. Віднянський. Київ, 2010. Р. 27-28.

пакова в Киеве объединил 15 экспертов по истории, политике и дипломатии США. К тому времени, украинский историк Семён Аппатов сумел подготовить не менее 10 специалистов по современной истории и дипломатии США. В конце 70-х годов более 20 экспертов по истории США (включая аспирантов) числились в московском Институте всеобщей истории. Подавляющее большинство этих историков были официально зачислены в «штат» сотрудников сектора США и Канады этого Института. К началу 1980-х годов этот сектор имел 20 постоянных сотрудников, и только несколько американистов, таких, как В. Мальков, В. Согрин и С. Станкевич были сотрудниками других секторов того же Института¹⁴. Одиннадцать специалистов по политической истории США работали под руководством Н. Сивачева в лаборатории американистики на историческом факультете Московского государственного университета. К 1975 году штат Института США и Канады достиг 300 сотрудников, а к 1980-му году перевалил за 450. Около половины из них были штатные исследователи, а остальные – обслуживающий персонал. Ежегодно этот институт принимал примерно 15–20 новых аспирантов. В 1991 году, согласно подсчётам покойного Е. Язькова, по крайней мере 300 советских историков со степенями кандидатов и докторов исторических наук (все они представляли Россию и Украину) изучали историю США. В то же время с формальной точки зрения более, чем половина, 250 из 400 американистов в ИС-КАН в 1980 году также имели научные степени кандидатов или докторов исторических наук, даже те, кто изучал современную политику США, были историками по образованию. Тем не менее, к концу 1980-х годов почти 70% из всех 1.000 дипломированных советских американистов (включая экономистов, политологов, философов, социологов, литературоведов и киноведов) были не сотрудники исследовательских институтов, а вузовские преподаватели, которые преподавали различные курсы американоведения в крупных вузах советской России и Украины, в таких больших индустриальных городах, как Москва, Ленинград, Куйбышев, Киев, Одесса и Днепропетровск. Более чем 60% всех советских вузовских американистов представляли Россию, и почти 40% – Украину. Наиболее важные провинциальные школы университетских американистов были представлены группами под руководством Козенко в Саратове и Куйбышеве (теперь Самара), Пелипаса в Томске, Кубышкина в Волгограде, Аппатова в Одессе, Сыча в Черновцах и Калашникова в Днепропетровске. В 1991 году это было крупнейшее сообщество профессиональных американистов в мире, за пределами Соединенных Штатов Америки. Только китайские американисты, так называемые наблюдатели за Америкой, создали вторую по количеству после советской группу специалистов по изучению США, которая насчитывала 700 экспертов, сосредоточенных в 15 университетских исследовательских центрах¹⁵.

¹⁴ АЕ. 1972. С. 303-306, интервью со Шлепаковым и интервью с Болховитиновым, Москва, 2 декабря 1995 года.

¹⁵ Подсчеты производились по данным из *Russian-American Dialogue on the American Revolution* / Ed. Gordon S. Wood and Louise G. Wood. Columbia, 1995. P. 7; Dash B.L. *A Defector Reports*:

В значительной мере производительность советских центров американистики во многом зависела от индивидуальных усилий и энтузиазма формальных и неформальных лидеров этих центров, таких, как Н. Болховитинов в Институте всеобщей истории, Н. Сивачев в МГУ, А. Шлепаков в Киеве, и С. Аппатов в Одессе¹⁶. Согласно официальному докладу Г. Севостьянова, в период с 1945 по 1970 годы советские американисты опубликовали 662 научных работ, включая статьи и монографии, по различным проблемам истории США. За период с 1966 по 1970 годы среди 150 советских исследовательских книг по истории США, опубликованных центральными московскими издательствами, только 2 были написаны украинскими историками¹⁷. Но в целом продуктивность украинских американистов значительно выросла в 1970-е годы. Если в течение 1971–73 годов они опубликовали чуть более 1% советских статей по американской тематике, то в течение 1984–85 годов украинские американисты являлись авторами не менее 10% всех исследований по истории и политике США (15 из 150 различных изданий, согласно всесоюзному списку научных публикаций). К 1991 году более, чем 30% всех советских публикаций по американским исследованиям принадлежали перу украинских авторов. А к концу перестройки украинские исследователи истории и политики США стали высококвалифицированными специалистами в таких областях как колониальный период истории США, история американских индейцев, истории иммиграции в США и Канаду¹⁸.

Социалистическая современность/модерность и идентичность советского американиста

С самого начала создание и институционализация американистики в Советском Союзе были напрямую связаны с само-осознанием социалистической современности/модерности и пределов её «открытости» советской интеллигенцией. Владимир Евтух, украинский учёный американист и политик, как-то заметил в де-

The Institute of the USA and Canada. Falls Church, VA, 1982. P. 7, из моего интервью с Николаем Болховитиновым, 21 мая, в Москве и с Арнольдом Шлепаковым, 4 апреля 1991 г., в Киеве. Смотрите также в Shambaugh D. Beautiful Imperialist: China Perceives America, 1972-1990. Princeton, 1991. P. 277f.

¹⁶ Двойной выпуск журнала *American Studies International* (далее – ASI) в 2003 году был посвящен американистам пост-советского пространства. Я использовал наиболее интересные статьи этого издания: Potts L.W. «Who is to Blame? What is to be Done?» Joint Ventures with Russian Americanists in the 1990s, и Denisova T., Vysotska N. American Literary Studies in Ukraine: Yesterday, Today and Tomorrow // ASI. 2003. Vol. 41. № 1-2. P. 41-63, 220-233; Pauels W., Fox T. The Representation of the USA in EFL Textbooks in the Soviet Union and Russia // ASI. 2004. Vol. 42. № 1. P. 92-122. Сравните с данными: Dash. A Defector Reports. P. 7.

¹⁷ АЕ. 1971. С. 354-358; АЕ. 1972. С. 303, 331-339, интервью со Шлепаковым.

¹⁸ АЕ. 1986. С. 256-263; Rediker M. The Old Guard, the New Guard, and the People at the Gates: New Approaches to the Study of American History in the USSR // William and Mary Quarterly. 1991. October. Vol. 48. P. 580-597; АЕ. 1993. С. 201 и сл.

кабре 1995 года: «Быть советским американистом, советским специалистом по истории США и Канады, означало быть особым, действительно современным учёным, который отличался от скучного и традиционалистского советского обществоведа, официального коммунистического эксперта, исследующего советское прошлое и советское настоящее.» И он продолжал: «Каждый отлично понимал, что несмотря на весь наш официальный анти-американизм в Советском Союзе, для нас, советской интеллигенции, американская цивилизация в США символизировала идеал современности всего человечества. Согласно коммунистической идеологии, СССР всегда был идеалом современной, прогрессивной цивилизации, устремлённой в коммунистическое будущее. А коммунистическое будущее невозможно представить без наиболее эффективных и рациональных элементов современности, которые существовали уже в американской цивилизации, в её технологиях, организации быта, науке и т.п. Следовательно мы, советские учёные, изучали Соединённые Штаты Америки не только, чтобы критиковать американцев, но также, чтобы понять из американского опыта, как быть частью современной цивилизации. В то же время изучение Америки для нас было попыткой выхода за пределы нашей советской «закрытости» и установления связей с «открытой» западной цивилизацией»¹⁹.

Более, чем 90% прежних советских американистов, которых я интервьюировал начиная с 1990-х годов в России и Украине, признавались мне насколько привлекательными для них были образы современности, идеи культурного и технологического прогресса, которые они всегда связывали с Соединёнными Штатами Америки и с английским языком, как символом связи с американской современностью, с «открытым» западным миром. Даже первое послевоенное поколение советской интеллигенции, «дети Живаго», согласно Владиславу Зубоку, или «последнее сталинское поколение», согласно Джулиан Фюрст, поколение, чьи представители оказались основателями первых советских школ американистики в Москве и Киеве, это поколение выросло под влиянием противоречивых образов Соединённых Штатов Америки как верных советских союзников во время второй мировой войны, как прогрессивной современной страны, которая представляла запрещенные, но очень привлекательные тенденции в развитии популярной культуры и моды, особенно в музыке и кино²⁰. Все последующие поколения советских американистов 1960-х, 70-х и 80-х годов в свою очередь тоже находились под влиянием подобных образов, звуков и идей западной современной цивилизации, которые они связывали в основном с Соединёнными Штатами Америки²¹.

¹⁹ Интервью автора с Владимиром Б. Евтухом, Киев, 15 декабря 1995 г.

²⁰ Fürst. *Stalin's Last Generation; Zubok V. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia.* Cambridge, Mass., 2009. Сравните с биографией известного поэта: Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2008.

²¹ Смотрите об этом Zhuk S.I. *Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960-1985.* Baltimore, MD, Washington, D.C., 2010.

В определённой степени, вся идентичность советского американиста формировалась вокруг этого понятия западной (американской) современной цивилизации и её английского лингвистического эквивалента. Быть современным, выглядеть модно и со вкусом одетым, иметь видимый «набор» редких и модных предметов потребления (от книг и музыкальных записей до «дублёнки» и последней модели магнитофона), и постоянно выказывать свою эрудицию становилось одним из главных моментов академической карьеры многих советских американистов, особенно в пост-сталинскую эпоху. Такие разные по возрасту и воспитанию представители советской американистики, как Н. Болховитинов, М. Власова, А. Ярыгин, А. Сергунин, А. Знаменский, В. Зубок, И. Курилла в России, и А. Шлепаков, В. Евтух, С. Аппатов, В. Калашников, А. Белоножко в Украине, подчёркивали в разговоре со мной это желание быть современными, прогрессивными (ментально и визуально), что и определило во многом их выбор специализации в области американских исследований, в качестве своей академической карьеры. Для многих из них это понятие также связывалось в их представлении с определёнными материальными привилегиями – поездки за рубеж, доступ к западным (особенно американским) предметам потребления. Быть американистом для них означало быть «особенным учёным, отличающимся от рядовых советских исследователей-обществоведов, ... быть впереди времени, ... являться в определённой мере своеобразным агентом интеллектуального прогресса, быть частицей открытого мира и способствовать своим коллегам и студентам ... расширять их интеллектуальный горизонт»²². Подобные рассуждения соответствуют идеям британских исследователей культуры о человеческой идентичности. Согласно этим исследователям: «Человеческое Я (идентичность) не является ни продуктом внешней символической системы, ни чем-то фиксированным, с чем человек может сразу же себя идентифицировать; скорее всего это Я является своеобразным символическим проектом, который активно создаётся индивидуумом из тех символических материалов, которые ему доступны, материалов, которые этот индивидуум вплетает в связный рассказ о том, кто он или она есть, создавая тем самым, нарратив своей само-идентичности»²³.

В формировании своей идентичности, советские американисты обычно дистанцировали себя не от американских учёных, а от своих собственных советских коллег, которые представляли для них более консервативные, традиционалистские и ортодоксальные области обществоведения, особенно историю КПСС и современную историю Советского Союза. Они создавали свой научный идеал как противоположный образу «к-п-сс-ника», историка коммунистической партии. Представитель наиболее многочисленной группы вузовских преподавателей в Советском Союзе, этот советский специалист по истории коммунистической партии являлся объектом насмешек со стороны представителей более современной со-

²² Здесь я цитирую письмо Николая Н. Болховитинова ко мне, 12 декабря 1988 г., Москва.

²³ См. подробнее: Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge, 1995. P. 207, 210.

ветской области исторических исследований, известной под названием «всеобщая история». Советские историки, которые изучали историю США были частью этой вестернизированной современной школы советских обществоведов. Советские американисты, как в целом и все историки-«всеобщники», критиковали «к-п-сс-ников» как «марксистско-сталинских начётчников», консервативных «зубрилок» марксистских классиков, ретроградов, защитников советской «закрытости», и высмеивали их за отсутствие культурной (так и исторической) эрудиции и плохое знание иностранных языков. Парадокс заключался в том, что традиционная советская дихотомия «культурность против бескультурья» ещё со сталинских времён являлась своеобразной основой для построения всей идентичности советских американистов. Быть культурным ассоциировалось с понятием «незашоренного мышления», открытого различным и многообразным культурным влияниям²⁴. Уже сам факт профессионального изучения американской цивилизации в условиях советской академической действительности придавал привлекательность образу американиста как современного, культурного (с «широким интеллектуальным кругозором») интеллигентного человека, особенно по сравнению с «неотёсанным» и малообразованным педантом, историком КПСС или исследователем истории советского периода. Понятие специальной роли советских американистов как «агентов» современности/модерности сказывалось на их отношении к их же коллегам, историкам КПСС и подобным обществоведам, которые преподавали официальные пропагандистские учебные курсы политологии и общественных наук, известных как научный коммунизм, политэкономия и т.п. Они даже иногда критиковали и своих коллег из ИСКАН за то, что последние выполняли исследования по заказу коммунистических идеологов и КГБ, теряя тем самым свой статус агентов современности/модерности и защищая «закрытость» советского общества. Историки из московского сектора США и Канады Института всеобщей истории даже дистанцировали себя как «серьёзных академических исследователей» от специалистов ИСКАН, называя их «конъюнктурщиками», которые работают на «директивные органы». Даже ученики видных московских американистов, которые работали в провинциальных вузах, демонстрировали подобное презрительное отношение к коллегам которые занимались историей КПСС или современной советской историей²⁵.

²⁴ Смотрите об этой дихотомии в Fürst. *Stalin's Last Generation*. P. 12, 23, 202, 236. Об отсутствии исторической эрудиции у историков партии писал в своём письме ко мне Николай Н. Болховитинов, 12 апреля 1987 г., Москва; об этом говорили многие опрошенные мною (более 60-ти человек из 103) американисты, особенно Сергей Н. Бурин, 5 сентября, 1999 г., Москва.

²⁵ Из интервью с И. Белявской в: АЕ. 1995. С. 16.

Парадоксы дискурсивных стратегий в советской американистике

Современные исследования пост-сталинского социализма вскрыли парадоксы важных видоизменений в советском идеологическом дискурсе «современности», основанном на утопических идеях периода Просвещения. Согласно идеологии марксизма-ленинизма, чтобы построить самую гуманную и прогрессивную форму современной индустриальной цивилизации (модерности) – социализм – вся интеллектуальная элита, все лучшие умы общества должны объединиться для руководства в совершенствовании всего общества. Таким образом, с самого начала идеал советского интеллектуала (и его идентичность как часть социалистической интеллигенции) основывался на идеях прогрессивной, инновационной, использующей науку и революционно преобразующей мир цивилизации (или «модерности» в современном социологическом жаргоне). В то же время, советские интеллектуалы сталкивались с очень важным парадоксом: «этот процесс руководства и совершенствования общества должен был находиться под контролем определённой политической программы и, одновременно, быть свободным от подобного контроля, чтобы концентрировать все усилия на созидательном, экспериментальном и инновационном процессе построения лучшего будущего»²⁶. Этот парадокс выявился и в том, как работали советские американисты (или, согласно современной культурологии, в «культурном производстве» советских американистов). Лучшей иллюстрацией этого является использование профессионального дискурса в своих работах.

Советское государство стремилось контролировать профессиональных американистов и, одновременно, нуждалось в их экспертизе, особенно в период разрядки международной напряжённости. Это приводило к формированию весьма противоречивой и парадоксальной структуры дискурса в американистике. Государственные и партийные чиновники всячески поддерживали те научные практики, которые соответствовали современным политическим требованиям, в то время как американисты искали идеологического обоснования и поддержки (особенно материальной) от всевозможных властных структур. В итоге, всевозможные трения в пределах официального политического дискурса и профессиональных дискурсов создавали значительное пространство для манёвра и компромиссов. Советские американисты развили различные дискурсивные стратегии для того, чтобы «адаптировать» свои знания и исследования к современной политической, общественно-экономической и культурной ситуации, и одновременно, для того, чтобы влиять на эту ситуацию. Подобные дискурсивные стратегии должны были быть достаточно гибкими, чтобы использовать для своего преимущества различные трения внутри публичного дискурса. С другой стороны, чтобы следовать в ногу со временем и следовать за всеми общественно-политическими изменениями, академические учёные должны были постоянно ме-

²⁶ Yurchak. *Everything Was Forever*. P. 10-11.

нять свои стратегии. Следуя подходам Славы Геровича, можно с уверенностью сказать, что советские американисты «развили много разных дискурсивных стратегий, которые и формировали облик академической науки» в целом и, одновременно, влияли на выбор индивидуальных тем и методов научного исследования²⁷.

Советские американисты, которые сторонились пропагандистских клише сталинских времён и официального дискурса холодной войны, зачастую прибегали к тому, что некоторые исследователи называют «интерналистским» историческим нарративом, как средству анализа и само-защиты. В подобном нарративе американисты старались избегать какого-либо серьёзного аналитического подхода, который идеологические цензоры могли бы представить как «не-марксистский теоретический уклон» и вместо этого делали упор на внутренней логике исторического развития Соединённых Штатов Америки²⁸. Представители первого послевоенного поколения американистов, такие как историк Н. Болховитинов, склонялись к интерналистскому подходу, и их главной целью было достижение объективности знания, т.е. формирование исторического нарратива на проверенных фактах из архивных документов, а не на каких-то идеологических или чисто спекулятивных интерпретациях²⁹. По этой самой причине наиболее честные и порядочные американисты, такие, как Болховитинов, старались заполнить свои работы фактологическим материалом и, практически, очень мало анализировали этот материал, или даже вовсе не пытались его анализировать или как-то его интерпретировать. Подобная стратегия была политически безопасной, и в то же время, автор мог выказывать некоторую свою личную независимость, игнорируя избитые марксистско-ленинские интерпретационные клише. Идеологические цензоры не могли усмотреть никакого идеологического отклонения в исследовательской работе, в которой отсутствовал явный теоретический анализ и лишь «факты говорили за себя». Но тем не менее, внимательный читатель мог оценить по достоинству насколько «субъективизм» автора при переключении его исследования с аналитического на фактологический уровень «обнаруживался в отборе доказательств и построении исторического нарратива»³⁰.

Другая дискурсивная стратегия, обычно практикуемая советскими американистами, включала использование критики новейших исследований западных учёных для знакомства с ними советской читающей аудитории. Согласно свидетельству современников, названия книг типа «Критика современных концепций буржуазных фальсификаторов» служили зачастую прикрытием для серьёзных дис-

²⁷ Gerovitch S. Writing History in the Present Tense: Cold War-era Discursive Strategies of Soviet Historians of Science and Technology // *Universities and Empire*. P. 189-228, 190.

²⁸ Здесь я следую логике Славы Геровича в: Gerovitch. Writing History in the Present Tense ... P. 199.

²⁹ О подобной ситуации и в американской историографии смотрите в: Novick P. *That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession*. N.Y., 1988.

³⁰ Gerovitch. Writing History in the Present Tense. P. 199f. Многие известные советские специалисты по всеобщей истории, такие, как Арон Я. Гуревич, следовали той же стратегии.

куссий научных идей, которые иначе были бы не доступны в печатной форме в СССР. Как отметил Герович, «подобная дискурсивная стратегия позволяла советским историкам маскировать серьёзные разногласия друг с другом, за отсутствием официально разрешённой критики, и в то же время, камуфлировать их скрытое согласие с некоторыми из их западных коллег демонстрацией официальной критики (в адрес буржуазной науки).» В течение 1970-х и 80-х годов многие молодые советские американисты с увлечением зачитывались различными советскими аналитическими обзорами теорий «буржуазных фальсификаторов», публикуемых московскими обществоведами, включая так называемые «Реферативные сборники ИНИОН», стараясь найти ценную информацию о новых современных теоретических подходах в западной историографии и общественных науках³¹.

Конечно, использование различных дискурсивных стратегий зависело от разных факторов, таких, как профессиональная аффилиация, место происхождения и работы американистов. Учёные из академических исследовательских институтов, особенно москвичи, старались цитировать марксистских классиков значительно меньше, чем их украинские коллеги и другие провинциальные исследователи. В период институционализации американистики в течение 1970-х годов, украинские академические журналы, такие, как *Український історичний журнал*, имели гораздо большую плотность цитирования марксистско-ленинской литературы на страницу печатного текста, чем московские журналы *Вопросы истории* и *Новая и новейшая история*. Это особенно бросалось в глаза даже, когда перестройка полностью изменила тематику, дискурсивные стратегии и привела к резкому сокращению ритуальных ссылок на Маркса и Ленина в академических научных работах. Провинциалы всё ещё были более осторожными и консервативными и вплоть до конца перестройки использовали эти ритуальные сноски в своих публикациях³².

Перестройка и дискурсивное наследие Брежневской эры

В целом, американисты аффилированные с исследовательскими институтами, особенно опекаемыми номенклатурой и КГБ, стремились сосредоточить свой ис-

³¹ Ibid. P. 200f. Все американисты, которых я опрашивал, включая таких разных учёных, как А. Сергунин из Горького, А. Знаменский из Куйбышева (сейчас в США), В. Зубок из Москвы (сейчас в США), В. Калашников из Днепропетровска и С. Белоножко из Запорожья, отмечали значительную роль, которую подобные публикации играли в их интеллектуальном развитии и академической карьере.

³² Смотрите, к примеру, такие ритуальные библиографические ссылки в: Калашников В.М. Антиколониальная борьба индейцев Северной Америки в XVII и XVIII вв. Днепропетровск, 1991. С. 34 и сл., и кандидатскую диссертацию: Белоножко С. Англо-Французское соперничество в период Семилетней войны, 1756-1763 (Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук), Днепропетровск, 1992, с введением, полным цитат из Маркса.

следовательский интерес просто на фактах и избегать ритуалистических библиографических ссылок. Даже в 1970-е годы, *США: экономика, политика, идеология* (далее – *СЭПИ*) демонстрировал более либеральные дискурсивные стратегии, чем другие советские периодические издания, посвящённые американским исследованиям. Только 20-30% публикаций этого журнала ссылались хотя бы раз на авторитет «классиков марксизма-ленинизма». (Сравните с *Вопросами истории и Новой и новейшей историей*, где 80-90% всех статей ритуалистически цитировали Брежнева, Ленина и Маркса.) В начале перестройки, в 1987 году, менее 10% всех публикаций в *СЭПИ*, в основном передовые редакционные статьи, написанные старшим поколением учёных (докторами наук) и историками по специальности, которые демонстрировали более консервативный подход, чем политологи, экономисты или литературные и кино-критики, цитировали «классиков». Никто из молодых учёных уже этого не делал. Историки, авторы статей по истории США, демонстрировали ту же тенденцию. В своей статье о классовой борьбе в период Американской войны за независимость (восстание Дэниэля Шейса), молодой (в те годы) московский историк Б. М. Шпотов не сделал ни одной ссылки на работы Маркса и Ленина, в то время, как его старший коллега с устоявшейся репутацией, А. А. Фурсенко, в статье о политической истории Американской конституции 1787 года всё ещё цитировал классиков марксизма³³. В 1987-ом, году семидесятой годовщины Великой октябрьской социалистической революции, 30% всех публикаций *СЭПИ* были посвящены проблемам классовой борьбы и революционного (прежде всего, рабочего и коммунистического) движения в Соединённых Штатах и солидарности американских рабочих с российскими рабочими и т.п.³⁴ Но уже в следующем году подобные темы полностью исчезли со страниц этого журнала. В 1988 г. только четыре из 54-х статей *СЭПИ* содержали прямые ссылки на марксистские источники. Это означает, что меньше одного процента (0.8%) всех публикаций журнала ритуалистично цитировали «классиков». Следует заметить, что только старые исследователи из ИСКАН ещё следовали этому ритуалу. Все представители молодого поколения исследователей, включая таких разных учёных, как Андраник Мигранян и Владислав Зубок, игнорировали ритуальные игры цитирования марксистских работ. Даже такой видный исследователь старой школы, как Юрий Замошкин, старался избегать цити-

³³ Сравните: Шпотов Б.М. Фермерское восстание Дэниэля Шейса // *СЭПИ*. 1987. Февраль. № 2(206). С. 46-54, с Фурсенко А.А. Конституционный конвент // Там же. 1987. Июль. № 7(211). С. 64-72.

³⁴ Смотрите особенно: Лапицкий М.И. Расправа над Сакко и Ванцетти // *СЭПИ*. 1987. Август. № 8(212). С. 43-52, и очерк о Джон Риде и его описание Российской революции в: Гиленсон Б.А. Он видел рождение нового мира // *СЭПИ*. 1987. Октябрь. № 10(214). С. 45-55. Основные материалы ноябрьского номера *СЭПИ* были посвящены теме Российской революции: *СЭПИ*. 1987. Ноябрь. № 11(215). С. 3-49.

рования марксистских первоисточников в своём очерке об «использовании категории классового антагонизма в анализе советско-американских отношений»³⁵.

Историки, которые доминировали публикации *Американского ежегодника* (далее – *АЕ*) были более консервативными и традиционалистскими. В 1986-м году семь из 15-ти статей (50%) в *АЕ* содержали прямое цитирование классиков марксизма. Две статьи имели не прямые ссылки на них, цитируя книги, написанные американскими коммунистами. Если молодые московские учёные, такие как Сергей Станкевич, вовсе игнорировали ритуалистическое цитирование Маркса, то все историки из провинциальных школ, включая таких молодых исследователей, как я, демонстрировали свои идеологические знания и лояльность многочисленными цитатами из классиков марксизма-ленинизма³⁶. В пик перестройки, в 1990-м году, пять из 12-ти статей *АЕ* по-прежнему обращались (хотя бы раз) к авторитету «классиков»³⁷. По сравнению с дискурсивной инерцией центральных исторических журналов с почти 50% всего материала, содержащего ритуалистические ссылки на Маркса или Горбачёва, периодические издания американистов, особенно *СЭПИ*, всё-таки выглядели более современными и прогрессивными. Тем не менее, в противоположность «дискурсивной модернизации» в Москве, дискурс большинства украинских американистов в Киеве, всё ещё основывался на марксистской фразеологии даже в 1991 году³⁸.

Наиболее важным наследием дискурсивных стратегий брежневской эпохи являлся особый советский стиль исторического нарратива – интерналистский, фактологический и избегающий каих-либо дискуссий. Когда перестройка открыла прежде запрещённые области для исследования и обсуждения, это привело к замечательным тематическим сдвигам и акценту на социальную, и особенно, культурную историю США. Это увлечение культурной историей, отражало также влияние советского историка-медиевиста (кстати работающего в одном Институте всеобщей истории с Николаем Болховитиновым и американистами сектора США и Канады) Арона Я. Гуревича, который в течение 1970-х и 80-х годов неустанно популяризировал идеи изучения «новой» культурной истории в духе

³⁵ Мельвиль А.Ю. «Образ врага» и новое политическое мышление // *СЭПИ*. 1988. Январь. № 1(217). С. 29-39, цитаты из Ленина на с. 38; Рогов С.М. О взаимодействии интересов СССР и США // *СЭПИ*. 1988. Август. № 8(224). С. 3-13, цитаты из классиков на с. 3; Бушмарин И.В. Образовательный уровень рабочей силы США // *СЭПИ*. 1988. Сентябрь. № 9(225). С. 72-78, цитаты на с. 72; Корьев А.Б. Мирное сосуществование: обще-социальный подход // *СЭПИ*. 1988. Ноябрь. № 11(227). С. 46-52, цитаты на с. 48, 50, 51, 52; Замошкин Ю.А. Об использовании категории классового антагонизма при рассмотрении советско-американских отношений // Там же. С. 53-59.

³⁶ Сравните: Станкевич С.Б. «Новая экономическая политика» администрации Р. Никсона в 1971-1974 гг. // *Американский ежегодник* (далее – *АЕ*). 1986. М., 1986. С. 5-23, с Калашников В.М. Англо-испанское колониальное соперничество во Флориде (1670-1763 гг.) // Там же. С. 221-234, и моей статьей: Жук С.И. Пиратство: источник первоначального накопления и форма социального протеста (на примере колонии Нью-Йорк) // Там же. С. 235-245.

³⁷ *АЕ* 1989 был опубликован на год позже, в 1990 г.

³⁸ Смотрите, к примеру, Евтух В.Б. Концепции этносоциального развития США и Канады: Типология, традиции, эволюция. Киев, 1991, с ритуалистической сноской на Маркса на с. 162.

французской историографической школы журнала *Анналы* среди широкой советской читающей публики³⁹. Если в 1986 году из всех опубликованных статей в *Американском Ежегоднике* 80% по-прежнему представляли «фактологическую» политическую и экономическую историю США, то в 1989 году подобные материалы в *АЕ* занимали уже 60% всего публикуемого в этом издании. Только в выпусках, подготовленных с 1991 по 1993 год это доминирование советской дискурсивной традиции уступило место новой социальной и культурной истории на страницах *АЕ* (приблизительно 90% всего опубликованного материала освещало темы культурной, религиозной и социальной истории). В определённой мере, это было результатом привлечения зарубежных авторов к сотрудничеству по инициативе нового редактора *АЕ* Н. Болховитинова. В последнем советском выпуске *АЕ* (он был подготовлен весной-летом 1991 года, накануне распада СССР) под названием *Новый взгляд на историю США*, шесть статей из 11-ти принадлежали перу немецких и американских историков, таких, как Хорст Диппель, Бредфорд Перкинс, Даррет Ратмен и Уолтер ЛаФибер⁴⁰.

К сожалению, основной тенденцией американистики, особенно истории США, во время перестройки, всё ещё было «обычное добавление новых фактов». Подобный «фактологический» подход предполагал модель истории, в которой общая картина была уже нарисована, только «тёмные пятна» оставались незаполненными. По мере того, как историки открывали забытые факты, тёмные пятна будут исчезать и общая картина в итоге станет ясной и полной. Такой взгляд на историю требовал собирания забытых фактов, а не их объяснения. В процессе напряжённого перестраивания сферы власти/знания, любая новая интерпретация роли историков в формировании дискурса о Соединённых Штатах Америки становилась «определённым заявлением с политическим подтекстом». В какой-то степени, как отмечали современные наблюдатели, советские читатели «получили обновлённый учебник политической истории, в котором прежняя чёрно-белая история» Соединённых Штатов «зачастую представлялась бело-чёрной»⁴¹. Перестройка сократила идеологические барьеры и открыла новые теоретические горизонты, что определённо привело к изменениям в тематическом дискурсе советских специалистов по истории США. Это было время, когда историки начали осознавать, что не только исследовательская тематика, но и исследовательские методологии должны измениться. Теперь фактологическая традиция оспаривалась теми историками, которые стали придавать больший вес

³⁹ Смотрите также: Engelstein L. Culture, Culture Everywhere: Interpretations of Modern Russia, across the 1991 Divide // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Spring. № 2(2). P. 363-93; Markwick R.D. Cultural History under Khrushchev and Brezhnev: From Social Psychology to *Mentalités* // *The Russian Review*. 2006. April. № 65. P. 283-301.

⁴⁰ См.: *АЕ*. 1992: *Новый взгляд на историю США*. М., 1993. С. 38-61, 85-115, 136-151, 209-218.

⁴¹ Смотрите: Rediker. The Old Guard, the New Guard, and the People at the Gates, и американскую статью бывшего советского американиста: Snamenski A.A. In Black or White, or through Marxist Glasses: The Image of the Indian in the Soviet Press and Scholarship // *American Indian Culture and Research Journal*. 1992. Vol. 16. № 1. P. 119-136.

культурному и социальному контексту истории США. В 1993–95 годах, когда-то советские (а теперь, российские и украинские) американисты публиковали всё больше теоретических и инновационных статей, большинство которых было написано в последние годы перестройки, особенно в течение 1990 и 1991 годов. С хронологической точки зрения, этот материал тоже отражал ситуацию последних лет существования советского обществоведения⁴². Но в целом, даже в пост-советские времена советское наследие фактологического подхода всё ещё господствует в области американских исследований.

Другое наследие советского периода – это влиятельная роль различных исследовательских институтов в оформлении исследовательской тематики для американистики в пост-советских вузах. Некоторые исследователи даже утверждают, что коммунистическая идеология играла не столь значительную роль, как следовало ожидать, а «всевозможные структуры науки» были более значительным элементом определявшим характер всей советской академической и вузовской науки. В определённой мере, идеологические сдвиги без структурных изменений (влияния академических институтов) производили меньший эффект на советскую американистику; порой структурные изменения без соответствующих идеологических элементов были более влиятельны для всего развития различных отраслей советского обществознания, включая американистику. Так сектор США и Канады Института всеобщей истории, и особенно ведущая роль негласного, а с 1988-го года, официального его лидера Н. Болховитинова, и ИСКАН в Москве оказывали сильное влияние на большинство молодых американистов из провинции (как российской, так и украинской), а после 1988-го года эти организационные структуры способствовали и радикализации, и пересмотру (ревизии) всей пост-советской историографии истории США⁴³.

⁴² Шпотов Б.М. Была ли на Юге и Западе США промышленная революция? // АЕ. 1990. М., 1991. С. 126-141; Согрин В.В. Либерализм и консерватизм – центральные идейно-политические традиции США // АЕ. 1992. С. 62-85; Жук С.И. Макс Вебер и социальная история // Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 172-177; Он же. Ранняя Америка: социокультурная преемственность и «прорыв в утопию» // АЕ. 1992. С. 16-38; Он же. «Эффект зеркала»: журнал *William and Mary Quarterly* и современная американская историография // АЕ 1994. М., 1995. С. 208-222; Он же. Современная историография ранней Америки: путь к историческому синтезу // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 175-178. Все эти перестроечные идеи были обобщены в моей книге: Жук С.И. Традиционализм против капитализма: Социальная история ранней Америки. Днепропетровск, 1992.

⁴³ Adams M.B. Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900-1970 // *The Social Context of Soviet Science* / Ed. Linda L. Lubarno and Susan Gross Solomon. Boulder, Col., 1980. С. 198. Цитата из: Shambaugh. Beautiful Imperialist. P. 285.

Советские американисты как агенты научного прогресса и «зависть к Москве»

Советские американисты использовали всевозможные гибкие дискурсивные стратегии, чтобы передать желаемое значение знания без нарушений официальных ограничений политически приемлемого языка. Согласно некоторым исследователям, советский академический дискурс вовсе не являлся каким-то закрытым контейнером определённой идеологии или теории, а был скорее своеобразным механизмом для «выдвижения определённой повестки дня через дисциплинарное знание». По мнению Славы Геровича, «Вместо привычного описания холодной войны исключительно как столкновение идеологий, более продуктивным бы было исследовать дискурсивные стратегии, которые использовались, чтобы сформировать образ противника и построить «нашу» идеологию против «их» идеологии»⁴⁴. В этом контексте, советские американисты активно развивали различные дискурсивные стратегии, чтобы использовать образ оппонента для нужд текущего момента. В то же время они привязывали образ оппонента к своей ментальной конструкции прогрессивной современной цивилизации/модерности и к своей избранной роли агентов прогресса, как в России, так и в Украине.

Как эти ментальные конструкции, так и избранная ими роль агентов прогресса во многом определялась тем психологическим комплексом напряжённости, который существовал между советским провинциальным населением и москвичами со времён Сталина. Исторически, напряжённость между провинциалами и москвичами создала уникальный и массовый психологический феномен зрелого социализма, известный как «зависть к Москве». Этот феномен был наследием сталинизма, результатом создания Москвы как выставки социалистических достижений для всего Советского Союза. С точки зрения провинциала, сталкивающегося постоянно с ограничениями в социалистическом производстве, распределении и потреблении промышленных товаров и продуктов культуры в советской провинции, Москва выглядела как «социалистический рай» с полными товаров магазинами, лучшими школами и вузами, различными театрами, библиотеками и музеями. Москва стала символом для всей советской цивилизации, диктующей всевозможные моды для провинции, и в то же время она стала объектом сильной зависти со стороны миллионов провинциалов⁴⁵. В сентябре 1999 года Сергей Н. Бурин, молодой коллега Болховитинова из того же сектора США и Канады Института всеобщей истории, отметил важную тенденцию, которая воздействовала и на интеллектуальную историю американистики в России и Украине: «Зависть всегда являлась основным элементом в формировании советской личности со времён Сталина. Начиная с Юрия Олеши, все советские писатели отмечали этот факт. Провинциалы завидовали москвичам, потому что Москва имела лучшие

⁴⁴ Gerovitch. *Writing History in the Present Tense*. P. 217-218.

⁴⁵ Об этом: Zhuk. *Rock and Roll in the Rocket City*. P. 210f., 278f.

условия для жизни. Москвичи завидовали провинциалам, если они строили успешные карьеры и путешествовали за рубежом. Я считаю, что зависть убила Советский Союз, когда местные интеллектуальные элиты из национальных республик преобразовали свою зависть к Москве в их новую националистическую политику. Зависть стала наиболее важным фактором в формировании всей интеллектуальной истории Советского Союза, включая его экономическую жизнь, и, в определённой степени, в развитии американистики»⁴⁶.

Зависть к Москве привела к появлению нового анти-московского фольклора, который распространялся по всему Советскому Союзу. С начала 1950-х годов провинциалы начали называть москвичей словом «чмо», что является аббревиатурой ЧМО от сочетания слов «человек Москвы и Московской области». Согласно свидетельству вышедших в отставку офицеров Советской Армии, в 1950-е годы внезапный и массовый наплыв физически слабых и «фемининных» юных призывников из Московской области в армию привёл к тому, что их офицеры начали жаловаться на физическую неподготовленность этих молодых солдат из Москвы к «современным требованиям армейской службы». В итоге, советские армейские офицеры всё чаще стали использовать сокращение «чмо» в своих документах, чтобы выделить имена призывников из Москвы и Московской области. В течение 1960-х и 70-х годов эта аббревиатура вышла за пределы служебного пользования армейских кругов, вошла в обиход масс советского гражданского населения, и стала популярным словом для определения любого слабого, нерешительного и женоподобного мужского характера. В результате всевозможных последующих трансформаций этого слова, люди постепенно забыли об армейских корнях этого термина⁴⁷. По традиции население советской провинции дистанцировалось от москвичей, используя различные оскорбительные слова, включая и этот термин – «чмо».

В СССР провинциальная интеллектуальная элита всегда стремилась стать частью московской элиты. Если им этого не удавалось сделать, они переводили своё раздражение в высказывание определённых анти-московских чувств. Этот феномен влиял и на формирование отношений провинциальных американистов к их коллегам из Москвы. Основным мотивом восприятия Москвы для провинциальных интеллектуалов заключался в том, что ИСКАН (с 1967 г.) и другие советские центры американистики предлагали работу только представителям московской элиты, молодым членам правящих семей Москвы и т.п. К сожалению это восприятие основывалось на реальных фактах. К 1980-му году почти 95% ведущих

⁴⁶ Интервью автора с Сергеем Н. Буриным, Москва, 5 сентября 1999 г. Бурин ссылался на известную повесть Олеси *Зависть* 1927 г. Эта повесть переводилась на многие языки мира, включая английский: Olesha Y. *Envy*. N.Y., 2004.

⁴⁷ Интервью автора с Иваном Михайловичем К., полковником Советской Армии в отставке, Киев, 3 июня 1990 г., и Валентином В. Пискарёвым, полковником Советской Армии в отставке, Москва, 12 марта 1991 г. Подобное объяснение происхождения этого термина давали и совершенно гражданские лица, такие как Владимир Донец, Александр Понежа, историк Виктор Калашников из Днепропетровска, и многие другие.

специалистов ИСКАН представляли правящую советскую партийно-академическую элиту города Москвы. Даже в либеральном Институте всеобщей истории более 80% американистов (включая Николая Болховитинова и Льва Слёзкина) были выходцами из академической и партийной номенклатуры Москвы и Московской области. Для людей из советской провинции, все молодые (а зачастую и не очень молодые) американисты-москвичи были «золотой молодёжью», «мальчиками-мажорами» и просто «чмо»⁴⁸. Психологический феномен «зависти к Москве» становился существенным элементом в формировании регионального варианта идентичности советского интеллектуала и среди украинских американистов.

Украинский американист как региональный вариант советского интеллектуального «Я»

В 1986 году Виктор М. Калашников, украинский исследователь, который изучал социальную историю американских индейцев в период европейской колонизации Северной Америки в 17–18 веках, постоянно жаловался на чрезмерную централизацию американистики в Советском Союзе, на концентрацию всей американской литературы только в Московских библиотеках, и особенно, на «завышенные» академические стандарты для исследователей, установленные московскими американистами: «Я сыт по горло этим снисходительным отношением москвичей к историкам из советской провинции. Очень легко критиковать провинциалов, сидя среди американских книг и исторических источников в московских центральных библиотеках и использовать эту американскую литературу, наслаждаясь жизнью и спокойно попивая кофе. Мы же, учёные из советской глубинки можем наезжать в московские библиотеки только изредка, потому что это особенно дорого и накладно путешествовать из провинции в Москву, платить за жильё, и ещё делать серьёзные исследования в московских библиотеках, когда у тебя ограниченно время и бюджет»⁴⁹.

В 1990 году другой выдающийся украинский историк, специалист по истории миграции и рабочего движения в США и Канаде, Арнольд Шлепаков отметил другой источник конфликта между украинскими и московскими американистами: «Москвичи – циничные лицемеры. На людях они стремятся продемонстрировать свою лояльность советской международной миролюбивой политике, они всегда требуют от нас, провинциальных учёных, следования официальным марксист-

⁴⁸ Смотрите о засильи москвичей в Dash. A Defector Reports. P. 7ff. Более 90% опрошенных мною учёных из провинциальных университетов России и Украины подтвердили существование подобных анти-московских чувств. Упомяну особо А. Сергунина из Нижнего Новгорода, А. Ярыгина из Йошкар-Олы, С. Аппатова из Одессы, В. Калашникова из Днепропетровска и А. Белоножко из Запорожья.

⁴⁹ Интервью автора с Виктором М. Калашниковым, Днепропетровск, 3 марта, 1986 года.

ским интерпретациям американской истории, которые они же сами и развивали. Но в действительности, они смеются над нашим слепым следованием марксизму-ленинизму, они сами не верят больше в марксистскую идеологию, которую же они сами нам навязывают здесь, в Украине. Критикуя в частных разговорах нашу верность учению Маркса, москвичи полностью игнорируют наши исследования истории США как чересчур идеологизированные, провинциальные и второго сорта по сравнению с их запутанными и постоянно меняющимися пересмотрами американской истории»⁵⁰.

Многие украинские американисты выказывали непонимание московской политике в области американских исследований, особенно в 1980-е гг. В 1990 году Алексей Б., аспирант Семёна Апптова, исследователя американской международной политики из Одесского университета, жаловался на привилегированное положение москвичей в американистике: «Историки из Москвы имеют прямой доступ к свежей литературе по американской истории и политике, Поэтому они могут критиковать нас, историков из провинции, за незнание этой свежей информации и называть нас невежами. Но посмотрите, кто постоянно ездит в Америку, кто участвует в научном обмене с американцами. Это делают только москвичи (ну в лучшем случае, лениградцы). У них – лучшие школы английского языка, прямые контакты с американцами, у них неограниченный доступ к американской литературе и источникам. Поэтому они монополизировали американистику в СССР и ещё и контролируют нас, провинциальных учёных через всякие центральные административные структуры науки»⁵¹. Парадоксально, но этот элемент зависти в отношении москвичей соседствовал с более консервативным и осторожным профессиональным дискурсом (включая ритуалистические ссылки на «классиков») у украинских американистов, которые всё ещё зависели от московского авторитарного дискурса даже в период перестройки.

Только с подъёмом национального патриотического движения в Украине и публичной дискредитации московского авторитарного дискурса после 1988 года даже ориентированные на Россию и русско-говорящие американисты из Украины стали ассоциировать себя больше с местными интересами и выражать своё разочарование в непредсказуемой политике Москвы, дистанцируя себя от московского контроля. И организационные структуры академической науки в Украине сыграли важную роль в этом процессе отчуждения. Руководство украинских академических институтов, включая местные центры американистики, усиливали свою независимую позицию в исследовательской и педагогической тематике, отвергая контроль из Москвы. Многие из них, особенно в Киеве, воспользовались этой ситуацией, чтобы воссоздать свои собственные властные структуры для руководства украинской наукой без московского контроля. Они тут же начали заменять всесоюзную тематику в исследовании и преподавании региональными и

⁵⁰ Интервью автора с Арнольдом М. Шлепаковым, Киев, 4 апреля 1991 г.

⁵¹ Интервью автора с Алексеем Б., аспирантом Апптова, Одесса, 15 мая 1990 г.

национальными интересами и идеями, которые бы оправдывали установление их собственного властного контроля над американистикой (да и над всем украинским обществоведением) на всей территории Украины⁵². Многие из этих учёных, которые до 1987 года слепо следовали пожеланиям своих московских коллег, теперь стали откровенно анти-российскими лидерами украинских центров американистики. Парадоксально, но эти киевские исследователи, такие как Л. Лещенко, А. Шлепаков и В. Евтух присоединились к правящей политической элите пост-советской Украины и уже делали свою карьеру в международной дипломатии и политике, а не в академической сфере. В то же время они воссоздавали прежние советские централизованные структуры власти в науке в Киеве, закрывая доступ и препятствуя карьере людям из украинской провинции и третирруя их так же, как это делали москвичи в прежние годы. Эти изменения были напрямую связаны с изменяющейся ролью Москвы как прежнего центра советского академического дискурса современности/модерности во время перестройки. К 1991 году Москва уже утратила свою символическую (главенствующую) роль для советского авторитарного дискурса и постепенно исчезла из профессионального дискурса американистики в советской провинции, особенно в национальных республиках, которые дистанцировали себя от России⁵³. Это создало своеобразный вакуум, который вскоре заполнился новым дискурсом современности/модерности, на этот раз его националистической версией, региональным/украинским дискурсом, отвергавшим «универсальную» всесоюзную модель советской социалистической современной цивилизации, но по-прежнему использующем Соединённые Штаты Америки как свою старую модель.

Вместо эпилога: Три поколения советских американистов и геополитика

Все эти изменения в формировании идентичности и дискурсивных стратегиях советских американистов были напрямую связаны с общей геополитической ситуацией и новыми тенденциями в советско-американских отношениях. Изменения в геополитической ситуации после Сталина привели к определённой вестернизации как советской политической, так и массовой популярной культуры. В определённой мере развитие и институализация американистики стали индикатором вестернизации советской интеллигенции не только в Москве, но и в провин-

⁵² Как происходил этот процесс в Киеве, смотрите в: Лещенко, Черников. *Всесвітньо відомий вітчизняний учений*. С. 28 и сл.

⁵³ См. моё объяснение этого процесса в: Zhuk S.I. *Leveling of the Extremes: Soviet and Post-Soviet Historiography of Early American History // Images of America: Through the European Looking Glass* / Ed. William L. Chew III. Brussels, 1997. P. 63-78.

ции⁵⁴. Приблизительно три разных поколения советских американистов выросли после Сталина. Все эти поколения учёных сформировались под влиянием четырёх разных геополитических явлений.

Первое поколение советских американистов создало первые школы молодых советских исследователей, которые интересовались изучением стран Северной Америки, а не традиционно популярными среди советских обществоведов стран Западной Европы. Эти учёные, такие, как Георгий Арбатов и Николай Болховитинов, сыграли выдающуюся роль в основании и развитии первых официальных центров изучения США и Канады в Москве. Согласно мемуарам и наблюдениям первых послевоенных американистов, наиболее сильно повлияли на их интерес к изучению США события Второй мировой войны и активная роль Соединённых Штатов в качестве главного союзника Советского Союза в войне. Для многих представителей советской интеллигенции, не только для тех, кто воевал на войне, но и кто пережил детство во время войны, в течение 1940-х годов, США были символом великой дружбы двух великих стран и их победы над фашизмом и «международной реакцией»⁵⁵. К сожалению, понимание американской цивилизации учёными этого поколения было очень поверхностным и заидеологизированным. Миропонимание большинства этих учёных было ограничено рамками марксистской идеологии и их анализ и образы основывались в основном на преобладающих понятиях марксизма-ленинизма. Многие из этих исследователей, изучая американскую цивилизацию, в том числе и на её территории в период кратковременных научных зарубежных командировок, переживали своеобразный психологический шок, так называемый «познавательный диссонанс» и зачастую просто искали в литературе и архивных документах свидетельства, подтверждавшие их предвзятые (марксистские) представления о том, как функционирует американская цивилизация⁵⁶.

Вторым значительным геополитическим влиянием был период хрущёвской «оттепели», первой официальной попытки «открыть» Советский Союз капиталистическому Западу, и первого раунда разрядки международной напряжённости и улучшения отношений с США после 1956 г. Международный фестиваль молодёжи и студентов в Москве, академический обмен между советскими и американскими учёными, ре-организация таких международных туристических орга-

⁵⁴ О процессах вестернизации провинциальной молодёжи в СССР см.: Zhuk. *Rock and Roll in the Rocket City*.

⁵⁵ См. воспоминания Н.Н. Болховитинова в: Bolkhovitinov N.N. *The Study of United States History in the Soviet Union // American Historical Review*. 1969. Vol. 74. № 4. P. 1221-1242, idem. *How I Became a Historian // Journal of American Studies*. 1980. Vol. 14. № 1. P. 103-114; и Арбатова на английском: Arbatov G. *The System*; а также Лещенко, Черников. *Всесвітньо відомий вітчизняний учений*. С. 27. Сравните с современными исследованиями об этом поколении в: English R. *Russia and Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*. N.Y., 2000; Zubok. *Zhivago's Children; Fürst. Stalin's Last Generation*. Смотрите её интервью с советским историком Робертом Ивановым в Москве на с. 61, 83.

⁵⁶ Сравните с похожими явлениями в китайской американистике в: Shambaugh. *Beautiful Imperialist*. P. 283.

низаций, как Интурист и Спутник, открыли новые культурные и идеологические горизонты для нового поколения советской интеллигенции, известной под названием шестидесятников. Будущие идеологические архитекторы перестройки, такие как Александр Яковлев, посетили и учились в США. Отцы-основатели советской американистики, представители первого после-военного поколения, такие учёные как Николай Болховитинов, Николай Сивачёв в Москве и Арнольд Шлепаков в Киеве защитили свои первые диссертации в это время.

Третье геополитическое влияние было связано с периодом разрядки 1970-х гг. Новый раунд улучшения отношений между Советским Союзом и Соединёнными Штатами привёл не только к интенсивности научного и культурного обмена, но и к возрастающему массовому потреблению западных продуктов культуры, особенно новой литературы, музыки и кино, и в итоге, к массовой вестернизации советской молодёжной культуры⁵⁷. Руководствуясь потребностями новой дипломатии, советское правительство создало первые советские центры американистики в Москве и Киеве. 1970-е годы были периодом официальной институционализации американистики в Советском Союзе. Наиболее популярные организаторы (во многих случаях, их неофициальные лидеры) этих центров стали известные учёные, представители первого советского послевоенного поколения, такие как Арбатов, Болховитинов, Сивачёв и Шлепаков. В то же время новое поколение брежневской эпохи (я называю их «семидесятники») формировалось под влияниями разрядки и вестернизации их культурной жизни⁵⁸. Многие из них, включая В. Тишкова, В. Согрин, Б. Шпотова, С. Аппатова и В. Калашникова, станут в будущем лидерами советской американистики в России и Украине в течение 1980-х годов после защиты своих докторских диссертаций и длительной борьбы за продвижение в академической карьере.

Представители последнего поколения советских американистов, включая Марину Власову, Владислава Зубока, Александра Сергунина и Андрея Знаменского, которые присоединились к новым центрам американских исследований значительно позднее, в 1980-е гг., уже воспитывались под влиянием и руководством «семидесятников». Хотя большинство этих учёных получили университетское образование в 1970-е, их интеллектуальные и исследовательские планы развивались под влиянием событий 1980-х гг. Поэтому я называю их «восьмидесятники». Период конца 1980-х годов был началом последнего, наиболее решающего геополитического влияния для американистики в СССР. Во время этого периода перестройки не только развитие всей страны, но также направления и тематика советской американистики изменились коренным образом. С новым раундом открытия советского общества различным иностранным влияниям, новое молодое поколение признало эти влияния, особенно в методологии, и стало активным

⁵⁷ Подробности в моей книге: Zhuk. *Rock and Roll in the Rocket City*.

⁵⁸ Некоторые историки называют это поколение «поколением Спутника»: *Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk about Their Lives* / Ed. Donald J. Raleigh. Bloomington, IN, 2006.

участником в перестройке тематической ортодоксии советского обществоведения.

Согласно некоторым исследователям, трения между молодым и старым поколениями советских американистов отражали основополагающий принцип «понятийного диссонанса», согласно которому исследователи-обществоведы старше тридцати лет, обычно заняты поисками свидетельств, подтверждающих и оправдывающих их собственные верования и представления, и в то же время отвергают противоречивые свидетельства, чтобы избежать психологического дискомфорта, вызываемого подобным диссонансом⁵⁹. В эти же годы, происходило возрастающее отчуждение украинских учёных от Москвы, и увеличение трений между москвичами и провинциальными исследователями. Национальная и региональная идентичность формировали сейчас исследовательскую тематику в России и Украине. Последнее поколение советских американистов, «восемидесятники», сформировалось под влиянием этих противоречивых тенденций. Они старались соединить старые традиции основателей советской американистики, таких как Арбатов и Болховитинов, с новыми требованиями для исследователей и новыми теоретическими подходами западных коллег. Представители этого перестроечного поколения вместе с «семидесятниками» возглавят американистику в пост-советских России и Украине, стараясь восстановить ведущую роль их дисциплины не только в вузовском образовании (зачастую безрезультатно), но и в формировании международной и внутренней политике обоих государств⁶⁰.

Как видим, используя различные дискурсивные стратегии в своих исследованиях и публикациях, советские американисты старались привести в соответствие свои интеллектуальные открытия с меняющимися реалиями советского идеологического дискурса и политической жизни. Они не только отражали эти реалии в своих исследованиях, но и старались приспособить свои индивидуальные способности и интеллектуальные интересы к этим изменениям. Одновременно, они создавали свою собственную идентичность, преобразуя своё собственное советское интеллектуальное Я, основываясь на различных интерпретациях американской цивилизации/модерности. В итоге, они наполнили эти интерпретации модерности очень разными элементами региональной/национальной идентичности, которая при определённой политической ситуации опять становится основой для нового пост-советского, на этот раз, националистического, авторитарного дискурса среди российской и украинской интеллектуальной элиты.

⁵⁹ Shambaugh. Beautiful Imperialist. P. 284f.

⁶⁰ Смотрите о российском развитии американистики в: Журавлёва В.И., Курилла И.И. Проблемы развития американистики в постсоветской России // АЕ. 2005. М., 2007. С. 180-193; Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Под ред. В. Журавлёвой и И. Куриллы. Волгоград, 2009; Kurilla I.I., Zhuravleva V.I. Teaching U.S. History in Russia: Issues, Challenges, and Prospects // Journal of American History. 2010. Vol. 96. № 4. P. 1138-1144.